

УДК 94(47).084
DOI: 10.17223/19988613/47/9

М.А. Перова

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1917–1930-х гг. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ УКЛАДА СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)

В 1917–1930-е гг. школьная система в Советской России претерпела значительные изменения. Образование должно было стать светским, совместным, бесплатным и обязательным. На достижение поставленных целей ушло около 20 лет. В течение этого периода был принят целый ряд декретов и постановлений, регулирующих сферу просвещения, – от декларативных до выполнявшихся в действительности. В статье на основе архивных документов Курганского и Шадринского округов рассматривается влияние законодательных актов в области образования, принимавшихся в указанный период, на становление уклада советской школы.

Ключевые слова: советское образование; законодательство; школа; детская повседневность.

Становление уклада советской школы, которая, как считается, давала «лучшее в мире образование», происходило постепенно и было сопряжено с рядом трудностей. Это прослеживается на меняющемся законодательстве, взглядах властей на школу и их воплощении или невоплощении в жизнь. В качестве источников в данной статье используются документы фондов Государственного архива Курганской области и Государственного архива города Шадринска и законодательные акты Советской России 1917–1930-х гг.

Законотворчество в сфере советского образования рассматривалось с исторической и правоведаческой точек зрения, в частности, в исследованиях А.Р. Абалова [1], Е.Ю. Быковой [2], Т.М. Ашеновой [3]. Однако нас интересует не развитие системы советского законодательства об образовании вообще, но его влияние на реальную школу и реальных детей. Школа была одним из главных инструментов создания нового советского человека. Как отмечает О.В. Бердова, она «была обязана закрепить победу революции воспитанием будущих поколений» [4. С. 228]. Ликвидация неграмотности, пишет В.Г. Безрогов, имела целью не борьбу с умственной и духовной необразованностью, а укоренение идеологии в массовом сознании: «Учащиеся приобретали грамотность, одновременно усваивая официальный дискурс» [5. С. 54].

Идеологическая роль образования подчеркивалась и самими большевиками. В партийной программе ВКП(б) 1919 г. провозглашалось: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного <...> влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [6. Ст. 12]. Этот принцип лег в основание новой школы, но понимался он в разное время по-разному. Так, в первые годы после революции активно разрабатывалась идея национализации детства. Например, по мнению совет-

ского педагога А.Б. Залкинда, детей нужно было «изъять из-под грубого влияния семьи» и воспитать под «благодетельным влиянием коммунистических детских садов и школ» [7. С. 36]. В 1930-е гг. стала господствовать, напротив, идея семейного воспитания.

В 1918 г. в Советской России планировалось введение бесплатного и обязательного всеобщего образования, создание сети дошкольных учреждений, снабжение всех учащихся одеждой, обувью, учебниками и бесплатным питанием, свободный доступ в высшие учебные учреждения всем желающим учиться [8]. В реальности добиться заявленных целей удалось только спустя почти 20 лет. На протяжении 1920-х гг. в большинстве местностей количество учащихся немногим превышало половину от числа всех детей школьного возраста. Например, к сентябрю 1924 г. охват детей школьным образованием в Курганском округе Уральской области составил 60–65% в городе и 38–40% в сельской местности [9]. Причиной служили как недостаток в школьных работниках и средствах на открытие школ, так и в общем имущественном состоянии населения: «Мы не имеем возможности пускать детей в школы далеко от дома из-за нынешних условий: недостаток одежды, обуви, питания», – отмечено в выписке из протокола № 128 собрания граждан деревни Большой-Щучьей Могилевской волости Курганского уезда [10. Л. 12]. Собрание состоялось 27 сентября 1921 г., но зафиксированная в нем ситуация характерна и для последующих лет: школ было мало, они отстояли далеко друг от друга, детям приходилось преодолевать большие расстояния или жить в других деревнях на съемных квартирах, о чем вспоминают люди, учившиеся уже в предвоенные годы.

Тем не менее перемен было много. Менялась система управления образовательными учреждениями: в нем стали принимать участие ученики старше 12 лет – они входили в состав педагогического совета (комитета), который возглавлял школу вместо упраздненных

директоров и инспекторов народных училищ [11]. Школа освободилась от влияния религии, перешла в ведение Комиссариата народного просвещения и стала играть большую роль в культурном воспитании населения, а не только школьников. Так, в рамках соцсоревнования в курганской школе № 1 «силами детей обучено 35 неграмотных, много сделали <...> по оказанию помощи бедноте» [12. Л. 2]. С мая 1918 г. была формально уничтожена половая дифференциация в системе образования. До отдаленных местностей это новшество доходило не сразу. Например, в Курган соответствующая директива была отправлена только 30 марта 1920 г. из Челябинского губернского отдела народного образования: «...согласно постановления наркомпроса, все училища должны быть смешанными. Если существуют женские и мужские училища, следует их непременно соединить» [13. Л. 12].

Новая школа должна была быть открыта для всех, руководствоваться гибким учебным планом, способным подстроиться под конкретные условия, уделять большое внимание физической культуре детей и их эстетическому воспитанию. Однако во многих населенных пунктах не только не открывались новые школы, но и старые, основанные еще в XIX в., не действовали, а педагоги, от которых требовались гибкие учебные планы, не всегда составляли их профессионально. Один из составителей, заведующий Чашинской школой 1-й ступени, в ноябре 1924 г. прямо признался: «Автор далек от мысли, что это есть настоящий план... Работу каждого дня я представляю себе так...» [14. Л. 163]. И на этом воображаемом плане строилось обучение детей. Впрочем, ситуация вполне соответствовала взглядам автора на образование: «Разумеется, новая школа явится в результате коллективного усилия и творчества всех работников просвещения. Ведь что такое по существу трудовая школа? – Великое музыкальное произведение, чудесное литературное явление, гениальная картина...» [Там же].

Основой обучения в Единой трудовой школе должен был стать труд – «творчески радостный, свободный от приемов насилия над личностью учащегося» [8. Ст. 12]. К 18 мая 1918 г. до Кургана дошли новшества в отношениях учителя и ученика: «Применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменяется во всех без исключения случаях школьной практики. Перевод из класса в класс и выдача свидетельств производится на основании успехов учащихся по отзывам педагогического совета о исполнении учебной работы <...> обязательное изучение латинского языка в общеобразовательной средней школе, бывших семинариях и духовных училищах – отменяется» [15. С. 96–97].

Должность преподавателя становилась выборной, отменялись учительские категории и звания. Школьный коллектив, включая учителей и учеников, должен был превратиться в коммуны свободных и равных личностей, объединяющихся в группы и кружки вне зави-

симости от статуса преподавателя или ученика [8. Ст. 32]. Так ребенок становился полноценным субъектом образовательного процесса. На почве этого в курганской учительской среде велись споры о степени детской самостоятельности. Поднимался, например, вопрос школьного самоуправления. Должен ли его организовать учитель или в новых реалиях детям нужно позволить самим «дозреть» до решения это сделать? «Дети вечно руководимые, проходят мимо своего счастья... нельзя строить жизнь детей без их участия» [16. Л. 16], – отмечает в докладе на учительской конференции в 1924 г. педагог Денисова. Сохранение учителем доминирующей позиции по отношению к школьникам нередко расценивалось как приверженность к старым, имперским принципам преподавания и воспринималось негативно. Напротив, в актах обследования школ и детдомов, как в Озернинской школе первой ступени Звериноголовского района, часто встречается констатация: «Взаимоотношения детей и учащихся товарищеские» [17. Л. 9] с явно положительным оттенком.

Однако такая ярко выраженная демократия, не признающая иерархии ни пола, ни возраста, продолжалась недолго. С середины 1920-х гг. наметилась тенденция к централизации системы образования. Педагоги стали назначаться и увольняться Отделом народного образования, число детей в школьных советах сократилось. Образование становилось не всеобщим, а классовым: еще в уставе Единой трудовой школы 1923 г. оговаривалось, что «в случаях, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школу всех детей, преимущество при приеме отдается детям трудящихся» [18. Ст. 26].

Учитывая происходивший в это время запрет частных школ и индивидуального репетиторства, чуждые классовые элементы практически теряли шансы получить образование. За обучение в школе, изначально объявленное бесплатным, теперь официально взималась плата, правда с учетом финансовых возможностей родителей и не выше 5% от их жалования [19]. Это была вынужденная мера в силу недостатка средств, выделяемых на систему образования.

Необходимо отметить, что тогда в большинстве случаев школы содержались за счет населения, так как были переданы на местное обеспечение, а в районных бюджетах на них предпочитали тратиться в последнюю очередь. Сами жители понимали важность детского образования и нередко жаловались на районные власти в вышестоящие инстанции: «В Черкалинском районе имеется два сельсовета Речегский и Боровлянский, в которых не производится обучение детей в течение 4 лет... На запрос заведующий отделом наробраз товарищ Куренков ответил, что школы в указанных сельсоветах не будут открыты на нынешний год... В райисполком поступает масса заявлений как сельсоветов, так и граждан: население категорически требует школу и крайне обижается, что у них нет школы и дети остаются неграмотными. Что мы этого от советской власти не ожидали, и ранее в этих селениях школы были. Райис-

полком пытался через сельсоветы предложить гражданам взять на свой счет содержание учителей, разъяснив им общее положение и недостаток средств у государства... Граждане отвечают: ...Мы платим наравне со всеми обществами все требующиеся государству налоги и просим только оплачивать учителей школ. Все остальное – ремонт школ и т.п. берут на себя. Просьба разрешить.. за счет прочих школ района дать им по одному школьному работнику, чем требование населения хоть отчасти будет удовлетворено... и сделать распоряжение о выделении учителей в названные школы» [20. Л. 63]. Это письмо, отправленное в президиум Курганского окрисполкома 16 ноября 1924 г., – не единственный пример. Для привлечения дополнительного финансирования пытались наладить систему шефства, но первоначально и она не имела большого успеха: «...средств у школы никаких нет... Постановили обратиться к фабрике принять шефство над школой, но ответа не последовало... Другие нужды по школе исправляются самими учениками: например, починка парт, дверей. Приобретены за счет учеников метлы, веники, спички» [21. Л. 11]. Но в массе своей население было слишком бедно, чтобы приобретать школьные принадлежности, а тем более платить зарплату учителям. Так, в Ключевской школе 1-й ступени Далматовского района в 1923–1925 гг. «учащиеся все дети крестьян... Дети бедных родителей многие лишены возможности посещать школу из-за недостатка обуви и одежды» [22. Л. 4].

Несмотря на важное место, занимаемое в государственной политике, школьное образование во всем, что не касалось идеологии, практически было пущено на самотек. Школа была отдельным миром, проблемами которого интересовались, говорили о них в прессе, но мало принимали практических мер для их решения. Наряду с этим от школы требовали определенных результатов, новых методов и подходов к образованию. В их число входила специализация, предполагавшая появление школ крестьянской молодежи (по одной на уезд), а в городах – кооперативно-торговых, производственно-технических, административно-хозяйственных школ, школ фабрично-заводского ученичества и рабочих подростков [23].

Считалось, что образовательные учреждения повышенного типа дают положительный результат: в частности, школа крестьянской молодежи готовит «общественников, кооператоров – будущих руководителей и организаторов новой деревни» [24]. Предполагалось, что, закончив школу, человек сможет работать без дополнительного образования.

В 1920-е гг. даже в неспециализированных школах ученики вникали в местную производственную жизнь. Например, Каминская школа Звериноголовского района вела «пропаганду за улучшение сельского быта... показательное кормление скота по норме» [17. Л. 44], а в школе 1-й ступени № 5 г. Шадринска «связь школы с трудовой и общественной жизнью выражалась путем

экскурсий в различные производственные предприятия, например на фабрику, на мельницу, в типографию, чугунно-литейную мастерскую, на заседание горсовета, в окроно...» [25. Л. 88]. Однако специализированные школы предполагали не ознакомительное, а практическое знакомство с производством. Так, ученица шадринской школы ФЗС Руфина Паршунас «проделала следующую общественно-полезную работу: к празднику революции писала лозунги, с 14.02 по 10.03.1931 года занималась в ликпункте при типографии, к весенней посевной сортировала семена, собирала налог в деревне Ершовой и Осевой, собирала утильсырье. Отбыла политехническую практику на фабрике “Красный октябрь” и электростанции» [26. Л. 4], при этом из школы Руфину исключили за уклонение от работы и безразличное отношение к делу! Несмотря на уклон в производство, грамотных специалистов такие школы все же давали немного и были очень затратны, так как нуждались в оборудовании и мастерских. В 1930-е гг. их ликвидировали, создав непрерывную линию образования, включающую школу, сузубы и вузы.

Тогда же усилилась тенденция к централизации системы образования, как и других сфер жизни, а от творческой свободы школы 1920-х гг. практически ничего не осталось. Увеличилось внимание власти к школе не только на словах, в декларативных законодательных актах, но и на деле. Осенью 1930 г. планировалось принять всех мальчиков и девочек 8, 9 и 10 лет. Все дети были обязаны закончить школу 1-й ступени, а в промышленных городах, фабрично-заводских районах, рабочих поселках и в районах сплошной коллективизации – школу-семилетку. Для подростков 11–15 лет, не получивших начального образования, организовывались «ускоренные специальные двухгодичные и одногодичные школы-курсы и группы при школах» [27]. Отступление от плана допускалось не более чем на 1–2 года и только в случае крайне неблагоприятных условий. Т.М. Ашенова считает, что это «явилось фактическим признанием завершения первого организационного этапа в развитии советской системы образования и формировании системы законодательства об образовании» [3].

С возвращением к семейным ценностям и отказом от идеи национализации детей за их воспитание и обеспечение возможности учиться становились ответственны родители. Им вменялась «обязанность посылать в школу детей» [27. Ст. 6], за игнорирование которой предполагалась ответственность по закону. Государство, в свою очередь, брало на себя материальное обеспечение: предписывалось усилить финансирование образования из местных и государственного бюджетов, выделять средства на бесплатное снабжение детей бедняков и малообеспеченных «учебниками, письменными принадлежностями, обувью, одеждой, питанием, транспортом и т.п.» [27], а также создавать для этих целей специальные фонды на местах. В отличие от ситуации предыдущего десятилетия, как показывают ар-

живные документы, в большинстве своем эти предписания выполнялись. Так, в акте обследования школы 1-й ступени № 1 г. Кургана от 18–25 февраля 1930 г. отмечено: «Не учатся... большей частью из-за отсутствия одежды и обуви... Для удержания детей бедноты оказана материальная помощь 30 человекам: из бюджетных средств 220 рублей и из специальных 11,3 рубля... Приобретена теплая одежда и обувь» [28. Л. 5].

Согласно акту обследования школы 1-й ступени № 10 «всеобщим начальным обучением охвачены почти все дети, проживающие на территории данной школы, кроме 3 человек. Из них 2 имеют заболевание, 1 переросток 12 лет, его отправили в пункт ликбеза. Отсева нет за исключением 3 случаев. Богданович... по причине неимения обуви и слабого здоровья. Девочка Свинобаева, которой школой дана обувь, но не дано пальто. Бакулина – ее родители торгуют на столах и оставляют ее дома в качестве няньки. Беднейшие учащиеся обеспечены завтраками на 50%, одеждой и обувью на 200%. Ведется работа с родителями» [Там же. Л. 39].

Учебные учреждения централизованно снабжались необходимыми принадлежностями. Об этом свидетельствуют, в частности, такие документы, как разнарядка по тетрадам. Только в Кургане они распределялись по четырем школам ФЗС, десяти школам 1-й ступени, трем техникумам и порядка десяти специальным учебным заведениям включая партшколу и школу взрослых [Там же. Л. 15]. Спешно решался вопрос с помещениями: постановлялось использовать под школы бывшие помещицьи усадьбы и кулацкие дома. Большое внимание уделялось созданию штата профессиональных педагогов. Для пополнения кадрового состава было решено «срочно развернуть сеть педагогических институтов и техникумов... специальных педагогических курсов... принять меры к привлечению на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности... усилить коммунистическое и рабочее ядро среди учителей... значительно улучшить материальное положение учителей трудовой школы» [27].

В образовательной политике проявилось стремление к унификации, созданию образцовых людей: был взят курс на усреднение уровня знаний в сторону сильнейших. Велась борьба за всеобщую успеваемость, с отстающими школьниками дополнительно занимались их более успешные товарищи – это считалось общественно-полезной работой. В одном из отчетов об учебно-воспитательной работе за 1939/40 уч. г. значится: «Из числа 9 комсомольцев 8 имеют хорошую успеваемость, и некоторые помогали отстающим товарищам... Школа вела борьбу с отсевом учащихся. В своем школьном районе учитывали детей, не охваченных школой, и принимали меры по возвращению их в школу» [29. Л. 129]. В начале 1930-х гг. в школе 1-й ступени № 10 г. Кургана применялись такие меры борьбы с

неуспеваемостью, как «прикрепление сильных к слабым, дополнительные занятия с отстающими» [28. С. 39]. Восстанавливались субординация в отношениях учителя и ученика, система домашних заданий и оценок. «Учащиеся, не имеющие плохих годовых оценок ни по одной дисциплине, считать окончившими среднюю школу» [30. Л. 172], – отмечено в протоколе педагогического совещания Шадринской средней школы 22 июня 1936 г.

Учебные группы были переименованы в классы. Вместо школ первой и второй ступеней, семилеток и школ повышенного типа появилась общеобразовательная школа, которая делилась на начальную (4 класса), неполную среднюю (7 классов) и среднюю (10 классов). При этом молодые люди, окончившие неполную среднюю школу, имели право преимущественного поступления в техникумы, а среднюю – в высшие учебные заведения. По правилам 1936 г. в вузы «принимаются все граждане обоего пола в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование, либо получившие аттестат об окончании средней школы в порядке экстерна... Окончившие техникум и имеющие отметки “отлично” по основным предметам принимаются без испытаний» [31. Л. 193]. Выпускники провинциальных школ имели возможность попасть в крупные столичные вузы. Подчеркивалось, что классовый подход на сферу образования не распространяется. Например, в том же 1936 г. директора средней школы г. Шадринска ставили в известность, что «в вуз принимаются выдержавшие испытания независимо от соцпроисхождения или поражения в правах родителей... Вторично просим вас сообщить в облплан... какое количество учащихся изъявило желание поступить в плановый институт, указать их фамилию и институт, в который они желают поступить: Московский, Куйбышевский и т.д.» [Там же. Л. 65].

Таким образом, в период с 1917 по 1934 г. советская власть неоднократно пересмотрела свое отношение к образованию и воспитанию молодого поколения. От демократизации образовательного процесса и системы управления был совершен возврат к строгой централизации и контролю, от педологических изысканий и свободного творчества учителей в процессе комплексного обучения – к системе четких программ и предметов. Из представленных выше властных установлений следует, что дети, их образование и воспитание имели для государства огромное значение. Причем в 1920-е гг. отмечался большой разрыв между декларируемыми изменениями в образовании и действительностью, связанные в основном с финансовыми и организационными трудностями. В 1930-е гг. государственная политика в этой области стала более четкой и требовательной, учитывающей реальные проблемы школы и способы их решения. Разрыв между законодательными актами и действительностью минимизировался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалова А.Р. Школьная политика Советского государства в 1918–1927 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
2. Быкова Е.Ю. Реформирование школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 179–189.
3. Ашенова Т.М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
4. Бердова О.В. Из истории школьного образования и костромского учительства периода формирования советской школы (1918–1930) // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 228–234.
5. Безрогов В.Г. Практики письма в начальной школе первых советских поколений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 11. С. 54–62.
6. Программа всесоюзной коммунистической партии большевиков. URL: <http://libelli.ru/works/program.htm> (дата обращения: 20.04.16).
7. Залкинд А.Б. Педагогика в СССР. М., 1929.
8. Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 года «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение)». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (дата обращения: 20.04.16).
9. Красный Курган. 1924. № 107.
10. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 12.
11. Постановление Народного комиссариата по просвещению (Наркомпрос) РСФСР от 29 ноября 1917 года «О реформе средней школы». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_54.htm, свободный (время доступа 20.04.16).
12. ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 124.
13. ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАКО. Ф. Р-1836. Оп. 1. Д. 216.
16. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 29.
17. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 13.
18. Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1923 года «Устав единой трудовой школы». URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/17308>, свободный (дата обращения: 20.04.16).
19. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июля 1924 года «О дополнении к Постановлению о порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата просвещения». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2102.htm, свободный (дата обращения: 20.04.16).
20. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 359.
21. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 22.
22. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 86.
23. Декрет СНК РСФСР от 7 апреля 1925 года «Положение о школах рабочих подростков». URL: <https://www.lawmix.ru/sssrf/16801>, свободный (дата обращения: 20.04.16).
24. Постановление СНК РСФСР от 23 июля 1927 года «О состоянии школ повышенного типа». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3321.htm, свободный (дата обращения: 20.04.16).
25. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 27.
26. ГАКО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 4.
27. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14 августа 1930 года «О всеобщем обязательном начальном обучении». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm, свободный (дата обращения: 20.04.16).
28. ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148.
29. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4.
30. ГАШ. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 17.
31. ГАШ. Ф. Р-512. Оп. 1. Д. 12.

Perova Marina A. Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: perova_marina91@mail.ru

LEGISLATIVE REGULATION OF AN EDUCATION SYSTEM IN THE SOVIET RUSSIA 1917 – THE 1930TH AND HIS INFLUENCE ON THE SOVIET SCHOOL (ON MATERIALS OF KURGAN AND SHADRINSK DISTRICTS).

Keywords: Soviet education; legislation; school; children's daily occurrence.

The aim of the submitted article is to track correlation of changes in the Soviet legislation regulating education with realities of educational institutions' existence, to define the place of education in state policy of the Soviet Russia and in society's life, its role in the creation of "the new soviet person". The author suggests the following tasks to achieve: to define the position of the Soviet authorities to education; to reveal the principles of creation of new United labor school; to compare the requirements declared by the authorities with the real life of schools and children; to define the reasons of discrepancy of legislative resolutions and reality; to track changes in the Soviet educational policy of the 1917–1930s and changes in school system. The author of article was guided by the principles of historicism and scientific objectivity and used source-study, descriptive, historical and comparative, historical and system and hermeneutical methods. Acts of the Soviet Russia of the 1917–1930s years, pedologist works, documents of funds of educational institutions from the State archive of the Kurgan region and archive of the Shadrinsk became a research base of the study. During the research the author came to the following conclusions: children and their education had huge value for the state; during 1917–1934 the Soviet power had repeatedly reconsidered the attitude to education of the young generation; in the 1920s the big there was a gap between the declared changes in education and reality as a result of financial and organizational difficulties; in the 1930s state policy in education became more accurate, the gap between legislative acts and reality had been considerably reduced. In premilitary decade almost all school age children had been getting education, due to supplying pupils from needy families with clothes and educational accessories. At the same time the school had lost postrevolutionary democratism and had come to classical system of lessons, homeworks and marks, to hierarchical relationships between the teacher and pupil. Throughout all studied period the educational policy had been directed not only to elimination of illiteracy and training of qualified specialists in all areas, but also on ideologization of masses: the new atheistic and communistic school successfully resisted traditional way of life and attitude of imperial Russia, and pupils acted as translators of the Soviet culture for the senior generation at the same time.

REFERENCES

1. Abalova, A.R. (2006) *Shkol'naya politika Sovetskogo gosudarstva v 1918–1927 gg.* [School policy of the Soviet state in 1918–1927]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
2. Bykova, E.Yu. (2011) The school system reform in the USSR in 1917–1930: Organisational and ideological aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 1(13). pp. 179–189. (In Russian).
3. Ashenova, T.M. (2015) *Formirovanie sistemy zakonodatel'stva ob obrazovanii v Sovetskoj Rossii v 1917–1930 gg.* [Formation of the system of legislation on education in Soviet Russia in 1917–1930]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
4. Berdova, O.V. (2008) Iz istorii shkol'nogo obrazovaniya i kostromskogo uchitel'stva perioda formirovaniya sovetskoy shkoly (1918–1930) [From the history of school education and Kostroma teaching during the formation of the Soviet school (1918–1930)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* 4. pp. 228–234.
5. Bezrogov, V.G. (2012) The practices of writing in the primary school of the first soviet generations. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – RSUH Bulletin.* 11. pp. 54–62. (In Russian).
6. All-Union Communist Party of the Bolsheviks. (n.d.) *Programma vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [Program of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks]. [Online] Available from: <http://libelli.ru/works/program.htm>. (Accessed: 20th April 2016).
7. Zalkind, A.B. (1929) *Pedologiya v SSSR* [Pedology in the USSR]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
8. All-Russian Central Executive Committee. (1918) *Dekret VTsIK ot 16 oktyabrya 1918 goda "Ob edinoy trudovoy shkole Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Respubliki (Polozhenie)"* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1918 "On the Single Labor School of the Russian Socialist Republic (Regulations)"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm. (Accessed: 20th April 2016).
9. *Krasnyy Kurgan.* (1924) 107.
10. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-47. List 1. File 12. (In Russian).
11. RSFSR. (1917) *Postanovlenie Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu (Narkompros) RSFSR ot 29 noyabrya 1917 goda "O reforme sredney shkoly"* [Decree of the People's Commissariat for Education (Narkompros) of the RSFSR of November 29, 1917 "On the reform of secondary schools"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_54.htm. (Accessed: 20th April 2016).
12. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-465. List 1. File 124. (In Russian).
13. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-47. List 1. File 1. (In Russian).
14. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-48. List 1. File 5. (In Russian).
15. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-1836. List 1. File 216. (In Russian).
16. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-48. List 1. File 29. (In Russian).
17. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-48. List 1. File 13. (In Russian).
18. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1924) *Dekret SNK RSFSR ot 18 dekabrya 1923 goda "Ustav edinoy trudovoy shkoly"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 18, 1923 "Charter of the Unified Labor School"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sss/17308>. (Accessed: 20th April 2016).
19. All-Russian Central Executive Committee. (1924) *Dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 28 iyulya 1924 goda "O dopolnenii k Postanovleniyu o poryadke vzimaniya platy za obuchenie v uchrezhdeniyakh Narodnogo komissariata prosveshcheniya"* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of July 28, 1924 "On the Addition to the Decree on the Procedure for charging tuition fees in the institutions of the People's Commissariat of Education"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2102.htm. (Accessed: 20th April 2016).
20. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 359. (In Russian).
21. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 22. (In Russian).
22. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 86. (In Russian).
23. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1925) *Dekret SNK RSFSR ot 7 aprelya 1925 goda "Polozhenie o shkolakh rabochikh podrostkov"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 7, 1925 "Regulations on schools of working young people"]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sss/16801>. (Accessed: 20th April 2016).
24. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1927) *Postanovlenie SNK RSFSR ot 23 iyulya 1927 goda "O sostoyanii shkol povyshennogo tipa"* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 23, 1927 "On the state of high schools"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3321.htm. (Accessed: 20th April 2016).
25. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-213. List 1. File 27. (In Russian).
26. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-519. List 1. File 4. (In Russian).
27. Central Executive Committee of the USSR. (1930) *Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 14 avgusta 1930 goda "O vseobshchem obyazatel'nom nachal'nom obuchenii"* [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR on August 14, 1930 "On universal compulsory primary education"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm. (Accessed: 20th April 2016).
28. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-465. List 1. File 148. (In Russian).
29. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund R-800. List 1. File 4. (In Russian).
30. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-519. List 1. File 17. (In Russian).
31. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund R-512. List 1. File 12. (In Russian).